

Знаменитый спектакль Саши Вальц показали в Москве

В чем тело?

В рамках дней Берлина в Москве в Театре Российской армии показали знаменитый спектакль «Тела» в постановке хореографа Саши Вальц. Эту первую часть трилогии о человеке и его теле Вальц поставила в 2000 году, когда возглавила театр Schaubühne am Leniner Platz в Берлине.

Ольга ГЕРДТ

«Тела» Саши Вальц показывали в Театре Российской армии. На огромной сцене, где впору танкам грохотать, высилась серая пыльная стена, из которой, пока зрители рассаживались (а делали они это добрых полчаса, в ожидании бургомистра Берлина и прочих официальных лиц), через щели и щелочки просачивались, выдавливались и вываливались разные части тела: локти, ноги, пальцы, волосы.

Саша Вальц в Москве не впервые — многие помнят и ее «Travelogue-Trilogie» — экспрессивную телесную болтовню, перепалку и мочилровку на коммунальной кухне; и «Аллею космонавтов» — социологическое исследование образа жизни обитателей берлинских хрущоб, и «Na Zeme», спектакль, в котором участвовали российские танцовщики и где впервые появилось все то, что позволило немцам объявить Вальц законной наследницей немецкого театра танца. А именно: тонны чернозема, натуральные лужи, сеновал и множество микроновелл на тему отчуждения человека от природы, тела от человека, сочиненных самими танцорами в процессе импровизации.

В спектакле «Тела» с телом не церемонятся. Из него выжимают все соки, используя как давилку в кухонном комбайне — и вода из спрятанной за спиной жертвы бутылки льется на пол. Его разрисовывают как тушу, обозначая ценниками стоимость сердца, печени, почек и селезенки. Его используют как наглядное пособие, когда читают зрителю маленькие лекции о том, как тело функционирует, когда ест, спит, испражняется и занимается сексом. Нечаянного зрителя Театра Российской армии, купившегося на бесплатный билет и громкое имя хореографа, одна такая лекция просто напугала: на моих глазах две мамы дружно поднялись и, не вручив артистам заготовленный букет, двинулись в первый ряд, чтобы забрать малолетних дочерей, пялившихся на догола раздетую женщину, стоявшую перед ними на авансцене.

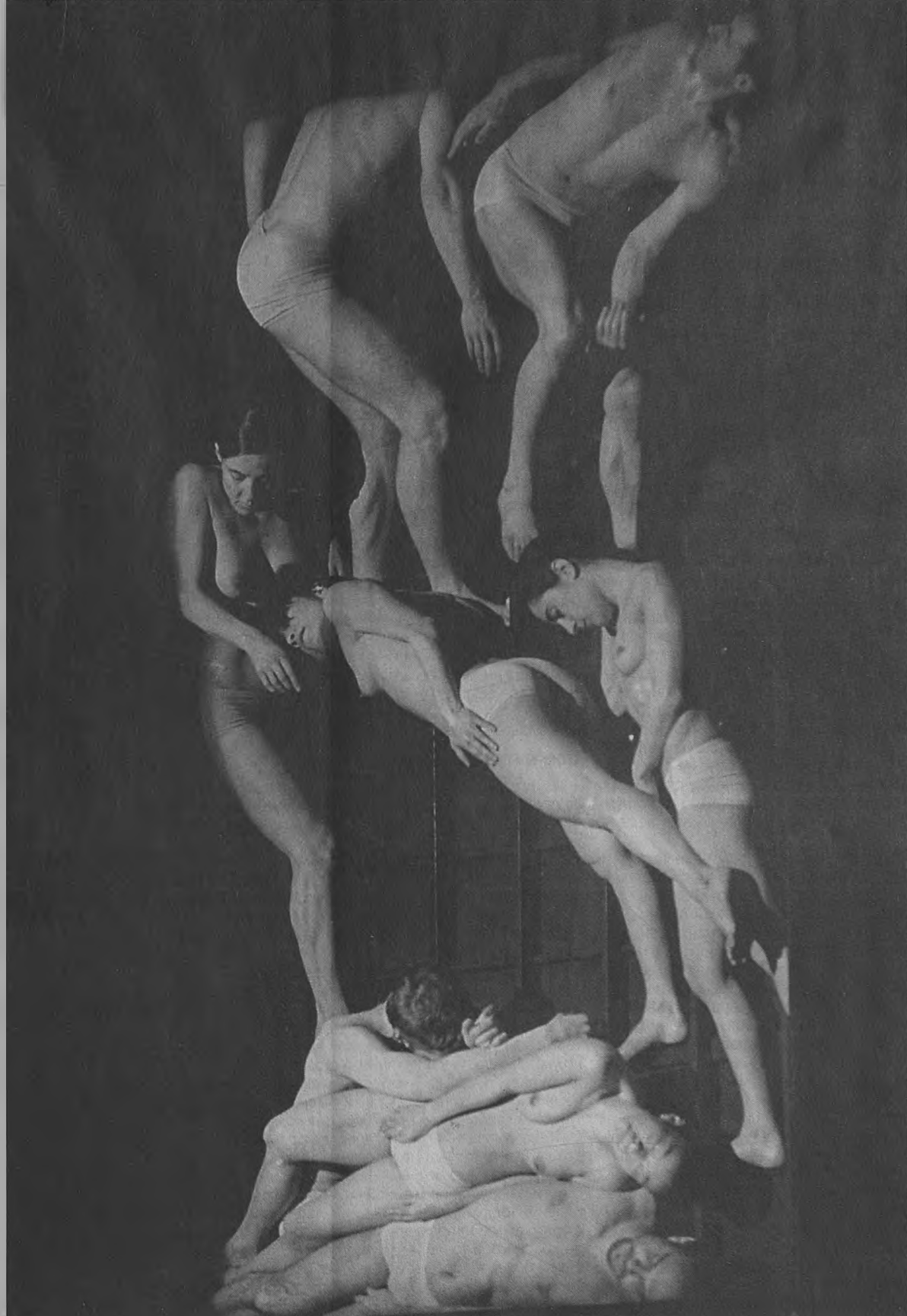
Разумеется, ничего принципиально нового в этом нет. В contemporary dance поставить спектакль на тему «Тело как архив»

или «Тело как утиль» — что диссертацию написать. Дело обычное. А уж тело в его неромантической наготы вдоль и поперек исследовали еще американские постмодернисты семидесятых. Не говоря уже о более ранних танцовщиках будто, объяснивших миру, что тело — всего лишь тело. Оно бьется, ломается, стареет и, о ужас, всегда готово к суициду. Вальц суммирует всех, не повторяя никого. Она не занудствует и не философствует, она просто экспонирует тела. Как всё что угодно. Как биологическую массу, из которой лепят стены и мостят дорожки (в светлое будущее, возможно). Как сложный механизм, готовый бесконечно совершенствоваться и меняться — огромный фрагмент спектакля посвящен всяческому экстриму: вниз головой летит с отвесной стены лыжник; кто-то испытывает на прочность коленные чашечки, отрабатывая фигуры уличного брейка; к авансцене бредет голый мальчик и вдруг резко сжимает руками причинное место — зрители хохочут, услышав хруст раздавленной яичной скорлупы.

Вальц каталогизирует и систематизирует все существующие способы не только представить, но и трансформировать тело. Человек, набивающий майку ватой, натягивающий на голову маску теленка, а на ноги копытца, стремится стать чем-то другим, как и два очаровательных кентавра, у которых верхняя часть от одного тела, а нижняя от другого (причем нижняя повернута попой вперед). Девушка-кентавр с мужскими ногами и мужской попой ложится на авансцену и принимает томную позу Данаи, ожидающей золотого дождя, что можно считать шуткой на тему андрогина, а можно — намеком на то, что тело, о котором мы знаем всё и с которым чего только не делаем, остается неопознанным и фантастическим объектом.

Дело, конечно, не в количестве представленных вариантов. А в том, что Вальц удается материализовать то, что многие хореографы лишь манифестируют. И еще в простоте констатации: ответа на вопрос «зачем нам тело?» не существует. Оно само не знает зачем: дергается, рыпается, истязает себя и других и оставляет всяческие следы — от мокрых пятен на полу до граффити мелом на серой стене. Возможно, ответ на этот вопрос Вальц нашла только в последней части своей трилогии — поBody (не тело, вне тела), где как настоящая немка противопоставила физике метафизику. Но чтобы убедиться в этом, придется дожидаться следующих дней Берлина в Москве. Или съездить в Шабюне и увидеть всю трилогию целиком.

Известия - 2004 - 25 марта - с. 9

Самый эффектный фрагмент спектакля: возникающие в оконном проеме обнаженные тела, медленно перемещаясь по периметру, создают композиции, напоминающие иллюстрации к дантовскому «Аду»